

Одинокий волк в состоянии «покоя»

СОБЕСЕДНИК

Что лучше всего характеризует человека? Конечно, его дело. Поэтому с профессором Ярославского театрального института Александром Сергеевичем Кузиным мы беседовали о его профессии, о деле, которому он посвятил всю свою жизнь: о театре. О чем же еще говорить с успешным, состоявшимся в профессии человеком? Не о личной же жизни – здесь, слава Богу, все в порядке, и не об «этапах большого пути», предшествовавших сегодняшнему разговору – два образования, полученных в солнечном городе Ташкенте – актерское и режиссерское; два театра – один в солнечном городе Ташкенте, второй – в северном городе Ярославле... Зато о Его Величестве Театре Александр Сергеевич Кузин может говорить бесконечно.

– А что, собственно, представляет собой современный театр и есть ли таковой в Ярославле?

– Современный театр, так как я его сегодня воспринимаю, очень похож на человека, который, пребывая в абсолютной растерянности, топчется на месте. Есть некая иллюзия движения, но самого движения нет... На днях я вернулся с рязанского театрального фестиваля, посмотрел восемнадцать спектаклей разных театров. Показательно, что хороших спектаклей практически нет. А ранг фестиваля – российский...

– Но хоть одно имя приходит вам на ум, когда речь заходит о современном театре?

– Петр Фоменко, на которого мы все сегодня молимся как на Бога. Он неспешно, вдумчиво, вне суеты пытается делать современный театр. Ставит «Войну и мир», делает «Трех сестер» Чехова... И эти спектакли – такое отдохновение души, он делает это так красиво и так правильно, что глаз не оторвать.

– Однако если брать за критерий современности театр Фоменко, то получается, что у нас в Ярославле современного театра и в помине нет?

– Я не могу так сказать, потому что живу в этом городе и мне не хочется обижать людей. Здесь до сих пор работают любимые мною мастера старшего поколения, мои ученики, знакомые артисты, и сказать им «Ребята, вы занимаетесь ерундой» я не могу. Они занимаются театром так, как могут. Другое дело – академический театр имени Волкова. Случилось несчастье: не стало главного режиссера Владимира Боголепова. Он был лидером, который своей деликатностью, интеллигентностью держал театр на уровне. Директор Валерий Сергеев очень многое делает для театра – это нельзя не признать: многочисленные престижные гастроли, Волковский фестиваль... – за одно это ему можно памятник поставить. Но возникают проблемы подлинно художественные... Что ж, все мы люди и имеем право на ошибку.

– То есть вы считаете, что в театре обязательно должен быть художественный руководитель? Приглашенных на постановку одного спектакля режиссеров недостаточно?

– Выдающийся режиссер и педагог А. Д. Попов говорил: «Театр без художественного руководителя – что улей без матки». А нам все время пытаются доказать, что сегодня в фаворе театр директорский или, в лучшем случае, менеджерский. Во главу угла ставятся деньги, максимальное привлечение зрителей в театр любой ценой, то есть критерием успеха становится не высокий художественный уровень, а финансовое благополучие.

– А как же тогда оценивать МХАТ и политику Таба-

Фото Вячеслава ЮРАСОВА

кова в современном театральном процессе? Олег Павлович, как известно, заявил, что зрителя нужно вернуть в театр любимыми путями! И как один из путей – труппа, собранная по антрепризному принципу, то есть «знакомые все лица».

– На самом деле у него не очень получилось. Да, поначалу это сработало, а сейчас билет на большую сцену Художественного можно купить за просто и не очень задорого. Получается, что зрителю уже мало телесериальных актеров, ему хочется чего-то другого.

– А ради чего сегодня зритель вообще идет в театр?

– Ну, во-первых, мы отучили зрителя ходить в театр. Публика, особенно в провинции, готова заплатить сногшибательные деньги лишь за то, чтобы увидеть «живьем» популярного телеактера, а на то, что спектакль, в котором играет этот актер, очень низкого пошиба – никто не смотрит.

– Неужели все антрепризные спектакли так плохи?

– На мой взгляд, абсолютно. За последнее время я не то что не видел, но даже не читал в прессе о спектакле, о котором можно было бы говорить как о художественном явлении.

– А зачем, на ваш взгляд, сегодня идет в театр настоящий зритель?

– За подлинными чувствами, за тем, чтобы иметь возможность сопереживать... Сегодня одна из главных проблем в стране вообще и в театре в частности – это подделка. Мы все говорим «дайте нам настоящее!» и в то же время сами предлагаем зрителю какой-то сэконд хэнд, пытаемся накормить его вчерашними идеями, вчерашними чувствами. За счет духовного «сэконд хэнда»

падает актерский уровень – все цепляется одно за другое. А время уходит, годы встраиваются в десятилетия, и сегодня уже абсолютно серьезно можно говорить о кризисе театра в нашей стране. Если еще вчера были на этот счет какие-то сомнения, если в перестроечную эпоху бодрились «нет, мы выдохим!», то сегодня речь идет о том, чтобы вообще вычеркнуть театр из государственного бюджета. Да, понятно, что сегодня театр – дело дорогое, что есть другие, более насущные статьи расходов. Но очевидно и то, что если сегодня мы пере-

предложения, согласитесь, не каждый день поступают, хотя от роли приглашенного руководителя этого театра я два года назад отказался из-за обязательств перед театрами в России. Потом – два проекта в Самаре, один – в Рязани, летом планирую закончить «Тартюфа» в Питере...

– Если вы настолько востребованы как режиссер, для чего вам преподавание?

– Это же превосходный тренинг! Собственная творческая лаборатория – мечта любого художника! Я поступаю очень «корыстно»: учусь у своих сту-

Александру Кузину есть что обсудить с директором агентства по культуре и кинематографии Михаилом Швыдким.

ведем театр на коммерческие рельсы, мы уничтожим его окончательно. Эта дорога не ведет к храму...

– То есть вы как художник из двух позиций – «театр – развлечение» и «театр – духовное начало» – склоняетесь к последнему?

– А я иного не приемлю. Меня так научили, и мне другой театр не интересен.

– В чем вы видите свою режиссерскую задачу?

– Я хочу делать честные спектакли.

– Получается?

– Когда как, но я пытаюсь. Я не иду на компромисс с самим собой и не ставлю ширпотреб ради того, чтобы заработать. Мне проще: я – свободный художник, одинокий волк, и я очень не завидую людям, которые сегодня находятся внутри театра в отсутствии какого-либо финансирования и которые зависят от вышестоящих руководителей, не желающих изменить в лучшую сторону культурную жизнь страны.

– Вы сегодня востребованный художник?

– Получается, что да.

– Что и где ставите?

– Сейчас заканчиваю в Зеленограде «Царя Федора Иоановича». Нашел артиста, воспитанного в традициях Малого театра, который может сыграть эту великую роль, и мне очень интересна эта экспериментальная работа в малом пространстве. В ноябре уезжаю в Новосибирск, там буду делать «Месяц в деревне» Тургенева. Потом, если все будет в порядке, уеду в Корею, в Сеул. Театр, в котором я раньше ставил «Ревизора», предложил мне постановку «Короля Лира». Такие

дентов, пока они учатся у меня. Иногда проверяю на них какие-то идеи, иногда они мне что-то подсказывают. И потом, где вы еще найдете актеров, которые готовы работать сутки напролет не за деньги, а ради удовольствия? А вы еще спрашиваете, зачем мне это нужно... Я же сам тоже работаю в институте практически не за деньги.

– Профессия наложила какой-либо отпечаток на ваше взаимоотношение с окружающим миром?

– А как же! И не могу сказать, что хорошее.

– ?!

– Когда я был артистом, я был более открытым, более коммуникабельным, был весь такой «мажорный». Режиссура меня увела в другом направлении.

– В минор?

– Не могу сказать, что я пессимист, скорее скептик. Я стал труднее сходиться с людьми, так как не очень им доверяю. Режиссура, как известно, – профессия одиночек.

– Как вы полагаете, что сегодня нужно ярославскому театру, чтобы о нем заговорили как о Театре с большой буквы?

– У меня нет готовых рецептов... Наверное, для начала должно измениться сознание руководителей, которые по долгу службы занимаются культурой. Безусловно, что-то делается, и много денег вкладывается: ремонтируется здание Волковского театра, музеи содержатся в приличном состоянии, проводятся разные фестивали. Но мы говорим о Театре. Наш театр, кроме проблем областного, местечкового характера, еще болен те-

ми болезнями, которыми болеют все театры России. Это эпидемия, от которой практически не скрыться. Но есть, есть в стране островки – Самара, Новосибирск, Омск, Екатеринбург, – где ситуация складывается иначе. Там театр живет, решаются его проблемы... А все потому, что руководители занимаются театром не по долгу службы, а по велению души. В Самаре, например, губернатор покупает билет как обыкновенный зритель, приходит на спектакли с внуком, знакомит его с артистами. У нас больше повезло спортсменам, и я рад за них. Может, когда-нибудь Ярославль станет столицей большого спорта.

– Как я поняла из выше- сказанного, таких театров, как в Самаре, в Ярославле нет?

– Нет.

– Может быть, проблема в том, что у нас в городе вообще театров мало?

– Может быть. Театров для такого большого города действительно немного. Но с другой стороны, если вспомнить, что не заполняются залы уже существующих, то получается, что и этих предостаточно.

– Что, все так безнадежно?

– Ну, почему? Вот придумает наш президент какую-нибудь национальную программу по культуре, в театр станет ходить модно и престижно... Но у нас же всегда до культуры руки доходят в последнюю очередь. Вот построим все дороги, образумим дураков, тогда и про театр вспомним.

– Ну, тут уж позвольте вспомнить некрасовские строки «жаль только жить в эту пору прекрасную уж не придется...» А сегодня вам комфортно живется?

– Я расслабился, успокоился, ушло какое-то напряжение, в котором пребывал последнее десятилетие. Я читаю книги, которые не успевал читать раньше, открываю для себя новые имена. А прежде был зациклен на театральном текущем, которую невозможно переделать, и ни на что другое не оставалось ни времени, ни сил. Я стал больше ездить... В общем, судьба подарила возможность много и разнообразно поработать.

– Вы трудоголик?

– К сожалению (сказано без малейшего сожаления в голосе – Авт.), да. У меня есть маниакальная потребность репетировать, и я могу этим заниматься сутками.

– В тех театрах, куда вас приглашают, вы находите единомышленников?

– Сразу же, как начинается работа. И эти люди становятся мне близки, и после расставания возникает потребность в новой встрече, и я возвращаюсь и ставлю новые спектакли... Сегодня у меня столько предложений, что я могу выбирать. Дожил до такой ситуации...

– После этого остается только написать последнюю строчку «Жизнь удалась» и поставить точку. Или восклицательный знак, или многоточие. Какой знак выбираете вы?

– Я не думаю, что нужно что-то итожить. Пока можно лишь сказать, что мне хорошо. Обидно, что в российском театре вообще – нехорошо. Но лично мне в том театральном процессе, в котором я участвую в меру своих сил – хорошо.

– А Ярославль вас не зовет ставить спектакли?

– Нет, не зовет... Пока им хорошо без меня.

Лариса ДРАЧ.